

Грамматические особенности московской редакции требника сер. XVII в. (на материале сопоставительного исследования «Требника» Никона 1658 г. и «Требника» Петра Могилы 1646 г.)

Георгий А. Мольков

Независимый исследователь, Москва, Россия
E-mail: georgiyolkov@gmail.com
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-6165-2040>

Миляуша Г. Шарихина

Независимый исследователь, Москва, Россия
E-mail: justmilya@yandex.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-7596-9014>

Аннотация. В статье на основе сопоставления текстов требников Никона (1658 г.) и Петра Могилы (1646 г.) рассматриваются грамматические особенности московской редакции богослужебного текста. Исследование подтвердило существующее в науке положение о том, что никоновские справщики вносили изменения в язык Требника в соответствии с рекомендациями, изложенными в московском издании Грамматики М. Смотрицкого. Это проявляется, например, в употреблении некоторых окончаний в именном и адъективном склонении, показателя императива глаголов первого спряжения в 1 и 2 лице мн. ч. Обязательный характер правки приводит к появлению ряда гиперкорректных явлений. Одним из основных направлений никоновской справы было устранение грамматической вариативности и омонимии, для чего справщики закрепили одну форму для выражения грамматического значения в тех случаях, когда в грамматике допускались варианты, например, употребление окончания *-льхъ* в местном падеже мужского и среднего рода мн. ч., устранение энклитических форм личных местоимений в дательном падеже в присубстантивной позиции и замена их притяжательными местоимениями, использование возвратных глаголов для выражения пассива на месте сочетаний страдательных причастий с глаголом *быти*.

Ключевые слова: книжная справа, морфология, грамматика, церковнославянский язык, XVII век, требник

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 20-18-00171.

Received: 4.12.2021. Accepted: 1.05.2022.

Copyright © 2022 Георгий А. Мольков, Миляуша Г. Шарихина. Published by Vilnius University Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution Licence](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

Grammatical Features of the Moscow Edition of the Trebnik in the Middle of the 17th Century (on the Material of a Comparative Study of Trebnik by Nikon in 1658 and Trebnik by Peter Mohyla in 1646)

Summary. The paper studies the grammar features that characterize the Moscow revision of the Book of Needs (Trebnik), composed under patriarch Nikon (1658). The research is based on a comparison of Nikon's and Peter Mogila's (1646) Trebniks. The study confirmed the scientific statement that Nikonian editors revised the Trebnik in accordance with the recommendations of the Moscow edition of M. Smotritsky's Grammar. This is shown, for example, in the use of certain endings in the nominal and adjective declension and of the imperative indicator (in the verbs of the first conjugation in the 1st and 2nd persons of the plural). The emergence of hyper-correct phenomena points at to obligatory character of the corrections. One of the main directions of the Nikonian edition was the elimination of grammatical variability and homonymy. To this end, editors fixed one form for expressing grammatical meaning in those cases when the grammar allowed variations, for example, the use of the ending *-льць* in the local masculine and neuter plurals, the elimination of the enclitic forms of personal pronouns in the dative case in the adnominal position and their replacement by possessive pronouns, the use of reflexive verbs to express passive in place of combinations of passive participles with the verb *byti* (*быти*).

Key words: Revision of the Church Books, morphology, grammar, Church Slavonic, 17th century, Trebnik

XVII a. vid. Maskvos brevijoriaus leidimo gramatinės ypatybės (remiantis 1658 m. Nikono „Trebniko“ ir 1646 m. Petro Mohylos „Trebniko“ gretinamąja analize)

Santrauka. Straipsnyje nagrinėjami Maskvos patriarcho Nikono (1658 m.) sudaryto brevijoriaus („Trebniko“) gramatiniai ypatumai. Tyrimas patvirtino mokslinį teiginį, kad nagrinėjamo „Trebniko“ sudarytojai suredagavo jo tekstą pagal Meletijaus Smotrickio gramatikos rekomendacijas. Tai rodo, pavyzdžiui, tam tikrų daiktavardžių ir būdvardžių galūnių vartojimas, taip pat liepiamosios nuosakos pirmojo ir antrojo asmens daugiskaitos formos. Privalomo redagavimo reikalavimas nulėmė nemažai hiperkorekcijos atvejų Maskvos „Trebniko“ tekste. Viena iš pagrindinių Nikono leidimo užduočių buvo panaikinti gramatinį variantiškumą ir homonimiją. Brevijoriaus redaktoriai stengėsi tam tikrai gramatinei reikšmei priskirti tik vieną formą net tais atvejais, kai Smotrickio gramatika leido variacijas, pavyzdžiui, vyriškosios ir bevardės giminės daugiskaitos vietininko formai Maskvos „Trebniko“ sudarytojai vartojo tik galūnę *-льць*; adnominalinėje pozicijoje panaikino enklitines asmeninių įvardžių naudininko formas, pakeitė jas savybinių įvardžių formomis; pasyvinėse konstrukcijose vietoj neveikiamųjų dalyvių junginių su veiksmažodžiu *быти* ‘būti’ vartojo sangražinių veiksmažodžių formas.

Reikšminiai žodžiai: XVII a., brevijorius („Trebnik“), liturginių knygų revizija, bažnytinė slavų kalba, morfologija, gramatika

Введение

В истории книжной sprawy, осуществлявшейся в середине XVII в. под руководством патриарха Никона, традиционно актуальной остается проблема источников правки, среди которых в качестве основных признают два: югозападнорусские печатные книги и венецианские издания греческих богослужебных текстов [Кузьминова 2014, 129–130]. Московское издание Требника в 1658 г. (далее — ТН) проводилось с особой тщательностью и сопровождалось соборным чтением [Материалы 1875, 7]. В

постановлении собора указано, что «Требник» был переведен с древних греческих рукописей [Там же, 13]. Впоследствии круг источников правки этого текста уточнялся и расширялся. Исследователи убедительно доказали, что в основе «Требника» Никона находится Требник Петра Могилы (1646 г.; далее — ТП). Как показывают данные исследований кавычных экземпляров, роль греческого текста, по сравнению с ТП, была вторичной. В неопубликованном исследовании В. Новицкого 1914 г., где впервые рассматривалась данная проблематика, установлено, что причиной многочисленных разночтений Требника Никона с греческим изданием являются непосредственные заимствования текста из ТП [Новицкий 1914, 30].

Позднейшие исследования позволили уточнить эту схему. Был введен в научный оборот кавычный экземпляр ТН (РГАДА, ф. 1251, № 978/2)¹, представляющий собой печатное издание ТП [Сиромеха, Успенский 1987, 81–82]. Е. А. Агеева обнаружила другой экземпляр ТП со следами внесенной правки содержания чинопоследований (РГАДА, ф. 381, № 1760), который также находился в распоряжении никоновских справщиков и использовался для формирования состава включаемых в ТН текстов [Агеева 2004, 183]. Но при этом собственно языковая правка велась на основе кавычного экземпляра № 978/2, в тексте которого обнаруживаются многочисленные замены слов и выражений².

В рукописях Тип. № 1803 (РГАДА) и Син. № 308 (ГИМ) отразился второй этап правки, в ходе которой были внесены дополнения и изменения с учетом сербского Требника Син. 307. На этом этапе также проводилась и языковая правка. Параллельно велась сверка с греческим оригиналом [Агеева 2004, 186–188]. Помимо греческого текста, справщики Печатного двора использовали церковнославянские печатные и рукописные книги [Сиромеха, Успенский 1987, 82–83], о чем свидетельствуют «многочисленные указания на используемые источники» на полях экземпляра ТП, использовавшегося в качестве кавычного [Агеева 2004, 184].

Основные грамматические черты, актуальные для никоновских справщиков, выделены Б. А. Успенским³. В целом они, по мнению ученого, соответствуют их ориентации на югозападнорусские печатные издания и греческие тексты [Успенский 2002, 433–471]. Более детально в пределах

¹ Два других кавычных экземпляра Требника (РГАДА, ф. 381, № 1803 и ГИМ. Син. № 308) основаны на экземпляре № 978/2 [Сиромеха 1980, 11; Сиромеха, Успенский 1987, 82].

² См., например, [Успенский 2002, 450, 456, 458 и др.].

³ Исследователями были также рассмотрены лексические особенности никоновской справы. Подробнее см. [Успенский 2002, 462–464; Агеева 2004, 185–186].

именного склонения языковые явления, характеризующие никоновскую редакцию богослужебных текстов, были исследованы в диссертации В. Г. Сиромахи [1980].

Языковые явления рассматривались исследователями в основном на анализе кавычных экземпляров, однако «содержащиеся в кавычных книгах языковые исправления не исчерпывают всей суммы произведенных исправлений»: они могут производиться на разных этапах правки или «непосредственно при наборе или даже после набора» [Сиромаха, Успенский 1987, 79], и поэтому большое значение имеет установление того, насколько последовательными были исправления [Там же]. Сопоставление текста никоновского Требника и дониконовских московских изданий предпринималось в работах Н. И. Сазоновой [Сазонова 2007, 114–115; 2008, 55–62], которую интересовали в первую очередь вопросы состава. Однако попутно она делает наблюдения над отдельными лексическими и морфологическими изменениями, внесенными при Никоне, оценивая их общее количество — «более 2000» [Сазонова 2008, 62]⁴; в частности, подробно рассмотрены замены аориста на перфект [Там же, 96–99]. Таким образом, последовательное изучение языка печатных никоновских изданий остается актуальной задачей.

В настоящей статье предпринято сопоставительное лингвистическое изучение Требников Никона и Петра Могилы. Основное внимание уделяется грамматическим явлениям, обычно представленным в исследованиях никоновской справы весьма ограниченно. Цель нашего исследования — установление основных морфологических параметров, характеризующих московскую редакцию требника в отличие от киевской. Понимание особой роли в работе никоновских справщиков первого и второго (московского) изданий Грамматики М. Смотрицкого требует изучения, в каком отношении и насколько последовательно проводилась книжная справа с опорой на этот грамматический трактат во всем объеме морфологических категорий, актуальных для языковой справы.

1. Сопоставление текстов «Требника» Никона и «Требника» Петра Могилы

Сравнение состава требников Петра Могилы и Никона показало, что в последнем 68 % текста (574 листа из 889) сопоставимы в грамматическом отношении с киевской редакцией молитв и чинов. Дальнейшее, собственно лингвистическое, исследование было основано на выявлении разночтений в совпадающих частях.

⁴ В более поздней работе исследовательницы это количество оценивается уже иначе — «в общей сложности около 3000» [Сазонова 2010, 64].

Предложенный Б. А. Успенским [Успенский 2002, 450–462] список регулярных грамматических соответствий не отражает всего спектра явлений, актуальных для никоновских изданий. Обращение к Требнику никоновской редакции показывает, что характеризующих ее грамматических явлений намного больше и реализуются они с разной степенью последовательности.

2. Изменения во флексиях парадигм существительных

Подробное описание языковых процессов в сфере субстантивного склонения в кавычных экземплярах никоновских изданий (в т. ч. Требника), представлено в [Сиромаха 1980]. Ряд исправлений, в силу их последовательного характера, рассматривается «в рамках противопоставления юго-западного и московского изводов книжно-славянского языка» [Там же, 11]. Такие замены обычно соответствуют рекомендациям, изложенным в московском издании Грамматики Смотрицкого, и свидетельствуют о языковом, а не текстологическом характере правки [Там же, 21]⁵.

Среди собственно морфологических категорий (исправления, не обусловленные орфографически) В. Г. Сиромаха выделяет 10 именных флексий, в которых происходит правка [Сиромаха 1980, 12–18]. Сходный набор морфологических показателей именного склонения выделяет Е. А. Кузьмина при сравнении текста Острожской (1581 г.) и Московской Библии (1663 г.) [Кузьмина 2017, 36–40], дополняя их правкой в формах причастий, которым свойственны отказ от флексии *-ei* в им.п. мн.ч. муж. р. в пользу *-iu*, а также замена кратких форм полными в составе оборота «дательный самостоятельный» [Там же, 40–42]. Правка в сфере морфологии, по ее наблюдениям, во всех случаях в точности соответствует предписаниям Г1648 [Там же, 42].

Таким образом, исследования показывают, что в сфере именной морфологии существовал достаточно устойчивый круг флексий, привлекавших внимание при нормализации языка. Рассмотрим, насколько эти выводы соотносятся с материалом итоговой печатной версии Требника 1658 г., обращая особое внимание на степень буквализма в следовании предписаниям грамматики М. Смотрицкого.

2.1. Наиболее последовательно справщики — аналогично изменениям, внесенным в московское издание грамматики [Кузьмина 2012, 200–204] — устраняют исконную флексию мягкой разновидности 1-го склонения, в род.п. ед.ч. жен. и муж. р., им.-вин.п. мн.ч. жен. р. и в вин.п.

⁵ Наблюдения Е. А. Кузьминой подтверждают определяющую роль московского издания Грамматики М. Смотрицкого в процессе книжной справки, ее использование в качестве «теоретической основы и инструмента для решения задач профессионального редактирования» [Кузьмина 2012, 118–119].

мн.ч. муж. р. Из них в тексте требника чаще всего встречается окончание род.п. существительных жен. р.: *вся земля* (ТП, I, 41) / *вся земли* (ТН, 26); *в̄ Мрїа Дѣвы* (ТП, I, 46) / *в̄ мариу дѣвы* (ТН, 31); *тла на^с свободи* (ТП, III, 268) / *тли всѣх^х свободи* (ТН, 672); *блудница* (ТП, III, 230) / *блудници* (ТН, 703) и мн. др.; муж. р.: *Прѣрка, Прѣтча* (ТП, II, 21) / *прѣрка, прѣдтечи* (ТН, 201) и др.; в том числе систематически употребляются окончания в частотной формуле: *Мл̄твами Прѣтыа Вл̄дциа нашеа Бѣа, и прѣнв Дѣвы Мариа* (ТП, I, 476, 482, 490, 497, 504; II, 15–16, 895 и др.) / *мл̄твами прѣтыа вл̄дциа нашеа б̄дци, и прѣнв дѣвы мр̄ци* (ТН, 148, 153, 165, 171, 177, 195, 221 и др.); в им.-вин.п. мн.ч. жен. р.: *Бж̄твенныа струа* (ТП, I, 453) / *бж̄твенныа струи* (ТН, 125); *изми... дийа и тѣлеса* (ТП, I, 459) / *избави... дийи и тѣлеса* (ТН, 130) и др.; в вин.п. мн.ч. муж. р. замена происходит как в существительных 2-го склонения — *Положилъ еси... вѣнца* (ТП, I, 419) / *Положилъ еси... вѣнци* (ТН, 99); *дамъ ти ключа* (ТП, I, 502) / *дамъ тебѣ ключи* (ТН, 175); так и в четвертом склонении — *побѣдителѣ всѣхъ покажи* (ТП, I, 72) / *побѣдители вса покажи* (ТН, 55); *мытарѣ* (ТП, III, 230) / *мытари* (ТН, 703); *хранителѣ* (ТП, III, 238) / *хранители* (ТН, 705) и др. Всего насчитывается 77 разночтений данного типа⁶. Примеров с сохранением флексии *-а* в рассмотренных формах не встретилось.

2.2. Особенностью второго издания грамматики М. Смотрицкого является активизация флексии *-ей*, которую М. Рогов и И. Наседка распространяют на слова жен. р. [Кузьмина 2012, 211]; устраняемая флексия *-ий* является маркером юго-западного извода книжнославянского языка [Сиромаха 1980, 17]. В тексте Требника встретились следующие примеры правки: в «третьем склонении» — *заповѣдий* (ТП, I, 68; II, 926, 938) / *-ей* (ТН, 52, 250, 263); *в̄... стѣий* (ТП, II, 895) / *-ей* (ТН, 221); *в̄... похотий* (ТП, II, 950) / *-ей* (ТН, 272); *в̄ скорбій* (ТП, II, 952) / *-ей* (ТН, 275); в «четвертом склонении» — *родителій, матежій* (ТП, II, 934)⁷ / *-ей* (ТН, 258); *в̄ прародителій* (ТП, II, 939) > *-ей* (ТН, 264) и др. (всего 12 разночтений). Никоновские справщики не только вносят изменения в текст в соответствии с изменившимися рекомендациями грамматики (в жен. р.), но и устраняют используемую в ТП вопреки грамматике флексию *-ий* в муж. р.

2.3. Почти с такой же последовательностью избегается в ТН яркий признак юго-западно-русского извода церковнославянского языка — флексия *-и* в дат.-мест.п. ед.ч. жен. р. и мест.п. ед.ч. муж. и ср. р. 1-го и 2-го склонений с основами на *-и* и мягкий согласный. Эта правка по-

⁶ Здесь и далее полные количественные данные приводятся на основе анализа текстуально совпадающих фрагментов требников в диапазоне лл. 1–300 (по «Требнику» Никона).

⁷ Несмотря на то, что в обоих изданиях грамматики единственная рекомендованная флексия в этом склонении — *-ей* (Г1619, 65; Г1648, 125).

следовательно проведена в московском издании грамматики [Кузьминова 2012, 204–206] — справщики ТН так же регулярно используют окончание в указанных формах *-и* вм. *-гь*: *в ср^оци* (ТП, I, 43; II, 941) / *в ср^оцгь* (ТН, 28, 267); *въ Тр^оци* (ТП, II, 8) / *въ тр^оцгь* (ТН, 187); *къ кр^стилници* (ТП, II, 33) / *ко крестилницгь* (ТН, 203); *Десници твоей* (ТП, III, 264) / *десницгь твоей* (ТН, 716) и др. (всего 12 различий). Хотя встретился любопытный случай с обратным соответствием: *на землгь* (ТП, I, 489) / *на земли* (ТН, 164). По мнению В. Г. Сиромахи правка *-и* > *-гь* производилась в существительных «преимущественно с конечным согласным основы [ц]» [Сиромаха 1980, 14]. Обратный пример с *-и* подтверждает привязку правильной флексии *-гь* к парадигме, проиллюстрированной в грамматике существительными на *-ца* (*овца, пѣаница* — Г1648, 98 об., 100); тогда как другие парадигмы жен. р. того же склонения сохраняют как единственно допустимую флексию *-и*: *в мрежи, в лодіи* (Г1648, 98, 102), что обусловило применительно к слову не на *-ца* (*земла*) использование исконной флексии *-и*.

Обязательный характер правки в этой группе форм приводит к возникновению гиперкорректных явлений, ср. аналогичное исправление в существительном 3-го склонения *Иордань*: *въ Іурдани* (ТП, II, 49, 50×2) / *въ іордангь* (ТН, 217, 218, 219). В. Г. Сиромаха отмечает исправление окончания мест.п. ед.ч. в этом слове и в кавычном экземпляре Требника [Сиромаха 1980, 20] в общем ряду примеров с аналогичной заменой.

2.4. Следует ТН за нормой Г1648 и в окончаниях муж./ср. р. мест.п. мн.ч. Как отмечает Е. А. Кузьминова, два издания грамматики М. Смотрицкого дают разные рекомендации по их оформлению: «В московском издании в результате исправления *-ехъ* → *-гьхъ* флексия *-гьхъ* распространяется на существительные мужского и среднего рода с исходом на мягкий согласный и *-ц*, с суффиксами *-ес-* и *-ан(ин)-*, а также на “етероклиты”» [Кузьминова 2012, 214]; кроме того, в парадигмах исконного твердого подтипа **о*-склонения (муж. и ср. р.) устраняется допускавшаяся Смотрицким вариативность в пользу флексии *-гьхъ* [Там же]. Никоновские справщики согласовывают текст ТП, отражающий рекомендации первого издания грамматики, с изменившейся нормой. Устраняется вариативность *-ехъ* / *-гьхъ* во втором склонении: *въ дгьлехъ* (ТП, II, 14) / *въ дгьлгьхъ* (ТН, 194); *в гръсехъ* (ТП, II, 20) / *в гръсгьхъ* (ТН, 200) (всего 4 различия). Обратных соответствий *-гьхъ* (ТП) / *-ехъ* (ТН) не встретилось.

Аналогичным образом изменяются формы мест.п. мн.ч. в основах с консонантными наращенными *-ес-*, *-ен-*, а также (в одном случае) — в слове 4-го склонения, не предполагававших, по М. Смотрицкому, варианта *-гьхъ* (Г1648, 215 об., 216 об., 223 об.): *На вчсехъ... На оушсехъ* (ТП, I,

66) / *На... вчестъхъ... И вбоихъ уиестъхъ* (ТН, 49); *Сѡ... временехъ* (ТП, II, 13, 39) / *Сѡ... временъхъ* (ТН, 192, 209); *в Црѣхъ* (ТП, I, 455) / *в црѣхъ* (ТН, 127) (всего 6 разночтений).

При этом справщики Требника действуют более радикально, чем Н. Рогов и И. Наседка: вариант *-ехъ* вовсе устраняется в словах муж. и ср. р. Показательно, что производится также (видимо, гиперкорректное) исправление флексии *-ехъ* в жен. р. (3-е склонение; всего 5 разночтений): *въ... скорбехъ* (ТП, II, 17, 929) / *въ скорбѣхъ* (ТН, 197, 253); *въ ѡалмѣхъ и пѣнїихъ и пѣснехъ* (ТП, II, 940) / *въ... пѣснѣхъ* (ТН, 266) — вопреки указанию грамматики на единственно возможную в этой парадигме флексию *-ехъ* (Г1619, 59 об.; Г1648, 121); существительное *скорбѣ* даже упомянуто в списке слов при парадигме (Г1619, 60). Встретились также неисправленные формы *въ пѣснехъ* (ТП, II, 941, 949 = ТН, 267, 271), *въ заповѣдохъ* (ТП, I, 592, 594 = ТН, 286, 288).

Из двух тенденций — «к расширению функционирования флексии *-ѣхъ* и к увеличению зоны вариативности *-ехъ/-ѣхъ*» [Кузьмина 2012, 215] для справщиков ТН актуальна, судя по встретившимся примерам, только первая с закреплением за *-ѣхъ* статуса единственного допустимого в муж. и ср. р. окончания.

2.5. Подвергается исправлению окончание род.п. мн.ч. в муж. р. Б. А. Успенский на основе кавычного экземпляра говорит о последовательности такой замены [Успенский 2002, 450]. Однако в сравниваемых изданиях наблюдаем несколько иную картину. В отличие от рассмотренных выше именных флексий оформление этой граммеы в ТН варьируется, что соотносится с дробностью рекомендаций обоих изданий грамматики по употреблению вариантов *-ѣ* / *-въѣ* в субпарадигмах 2-го склонения. В существительных длиннее 1 слога рекомендовано только *-ѣ*, а в односложных допустимы оба варианта (Г1619, 43–51). В ТН по сравнению с ТП возможны противоположные соответствия:

- *-ѣ* (ТП) / *-въѣ* (ТН): *паче причастникъ* (ТП, I, 458) / *-въѣ* (ТН, 130); *многоплетенны^x соблазнъ избави* (ТП, I, 460) / *-въѣ* (ТН, 131); *Млѣтвами славныхъ Апѣлъ и Мѣникъ* (ТП, II, 9) / *-въѣ* (ТН, 187); *заступленїемъ Иерархъ* (ТП, II, 16) / *-въѣ* (ТН, 195); *ѡвержѣтесѣ... сѣродникъ; Апѣлъ* (ТП, II, 293) / *-въѣ* (ТН, 246) (всего 5 случаев);
- *-въѣ* (ТП) / *-ѣ* (ТН): *всѣхъ ангелвъѣ* (ТП, I, 44) / *всѣхъ аггелъ* (ТН, 29); *прежѣ всѣхъ вѣки⁶* (ТП, I, 45) / *прежде всѣхъ вѣкъ* (ТН, 31) и др. (всего 8 случаев).

Обращает на себя внимание факт, что *-въѣ* во всех отмеченных примерах применяется вразрез с предписаниями грамматики: флексия *-въѣ* добавляется только к односложным словам.

2.6. Меньшая последовательность характерна для рекомендаций грамматики (совпадающих в обоих изданиях) относительно флексий дат.п. ед.ч. -у / -ови. В отличие от рассмотренных выше флексий род.п. здесь нет однозначной привязки к количеству слогов в слове. Параметр количества слогов совмещен с генетическим и с учетом категории одушевленности, в связи с чем вариант -ови / -еви рекомендуется использовать не во всех односложных словах, а только в основах бывшего *и-склонения, к которым примыкает группа одушевленных на -ць типа *жрецъ, отецъ, творецъ* и т.п. (Г1619, 43–58; Г1648, 105–119)⁸.

При справе Требника это провоцирует непоследовательность в оформлении окончаний дат.п. во 2-ом склонении слов муж. р. Чаще наблюдается соответствие: *мужеви* (ТП, ч. I, 402, 418) / -у (ТН, 85, 98); *Архитриклинови* (ТП, ч. I, с. 421) / -у (ТН, 102) (всего 6 случаев). Но встречается также и обратное соответствие: *миру* (ТП, ч. I, 464) / -ови (ТН, 135).

В целом предпочтение -у говорит о стремлении справщиков устранить элемент -ов- из репертуара именных флексий. Варианты с -ов- допускаются грамматикой в парадигме, иллюстрируемой словом *сынъ* (Г1619, 50 об.; Г1648, 113 об.): в им.п. мн.ч. возможны варианты *сыны / сынове* и в дат.п. мн.ч. — варианты *сынѣмъ и сыновѣмъ*. В тексте Требника встретились следующие примеры с устранением варианта, содержащего -ов-: *духовѣмъ* (ТП, I, 42) / *духѣмъ* (ТН, 27); *ликѣве* (ТП, I, 54; II, 47)⁹ / *лицы* (ТН, 41, 214). Хотя в дат.п. мн.ч. в 6 примерах -ов- оставлено в ТН (напр., *къ духовѣмъ*, 265).

2.7. По-разному в ТП и ТН функционируют звательные формы ед. ч. разных склонений. Первый тип соответствий здесь — использование разных флексий: *Радуйса Влѣще встѣхъ помощи, радости и покрове и спсѣніе дѣѣмъ нашиѣмъ* (ТП, I, 506) / *Радуйса влѣще встѣхъ помощи, радости и покрове и спасеніе душъ нашихъ* (ТН, 181); *встѣхъ помощи, Влѣще* (ТП, II, 8) / *встѣхъ помощи, влѣще* (ТН, 187); *радости, и покрове* (ТП, II, 19) /

⁸ Рекомендации М. Смотрицкого осложнены еще и тем, что слово *отецъ* регламентируется дважды: один раз в виде полной парадигмы (Г1619, 48; Г1648, 111), и в этом случае рекомендуется только -у в дат.п., а во второй - в комментариях к падагмме слова *жрецъ* с возможностью вариантов окончания -у / -еви (*Сице лтець / чтець / отецъ / творецъ: и про^а – Г1619, 51; Г1648, 114*); на перекрещивание этих двух парадигм исследователи грамматики обращали внимание [Ремнева, Кузьмина 2013, 10]. Список слов при второй парадигме дан по признаку одушевленности, но при этом нарушается слоговой принцип (*отецъ, творецъ* — по два слога). Разнобой усиливался из-за несовпадения набора флексий в парадигмах и в приведенной московскими редакторами грамматики сводной таблице на лл. 92 об.–93 об. [Там же, 13].

⁹ В комментарии к парадигме слова *сынъ* М. Смотрицкий указывает, что так же может склоняться и *бракъ*, т.е. односложное существительное на -къ (как и *ликъ*). В. Г. Сиромеха фиксирует аналогичную замену в вин.п. мн. у существительного *часы* в кавычных экземплярах Устава [Сиромеха 1980, 20].

радосте и покрове (ТН, 199). Устранявшаяся в этих примерах флексия *-и* — единственно возможная для 3-го склонения существительных, согласно М. Смотрицкому (Г1619, 59 об.–60 об.).

Второй тип соответствий касается зв.ф. = им.п. в позиции обращения: *Гѣди саваѡѡъ* (ТП, I, 42) / *Гѣди саваѡѡе* (ТН, 27); *Исаїа ликуй, Анѣлѡмъ похвала* (ТП, I, 424) / *Исаїе ликуй, анѣлѡвъ похвало* (ТН, 106). Обратное соответствие встретилось в контексте: *млѣтивѣ млѣтивъ буди намъ* (ТП, II, 20) / *млѣтивъ милостивъ буди намъ* (ТН, 200) — возможно, связанное с опечаткой в ТН (предвосхищение следующей словоформы). Менее уверенно используется этот вариант в прилагательных. Встретился контекст со специфическими флексиями вокатива: *Благїи и члѣкѡлюбивый, блѣоутробный и млѣтивый Гѣди* (ТП, I, 484) / *Блѣже, и члѣколюбче, блѣоутробне, и многомилостиве гѣди* (ТН, 156); но возможен и обратный пример: *щедре даждь ми Хѣисцѣленїе* (ТП, I, 463) / *щедрый* (ТН, 134). М. Смотрицкий объединяет краткие формы прилагательных вместе с полными в 5-ое склонение имен и допускает для них варьирование им.п. и собственно зв.ф. в позиции обращения (Г1619, 74 об.–81).

Оба типа соответствий в позиции обращения объединены общим стремлением справщиков оформить ее более последовательно и единообразно (флексией второго склонения *-е*), хотя и без строгого соблюдения рекомендаций грамматики. Не соответствующее рекомендациям грамматики употребление того же окончания в вокативе ср. р. справщики оставляют без изменений: *слове Бжїи* (ТП, II, 923, 927 ×2 = ТН, 246, 251, 252) — грамматика рекомендует здесь вокатив равный номинативу (Г1648, 52 об.).

Экспансия флексии *-е* в вокативе в целом согласуется (хотя и не с точностью до конкретных парадигм) с расширением сферы употребления *-е* в московском издании грамматики, где иосифовские справщики включают в нее слова с суффиксом *-ын-* [Кузьмина 2012, 199].

3. Изменения в адъективной парадигме

В процессе грамматической правки текста Требника задействованы варианты адъективных окончаний ряда падежей, восходящие к исконным парадигмам адъективов и местоимений. В живом древнерусском языке активное влияние местоименной системы флексий на адъективную происходило уже в древнейший письменный период (ИГДРЯ III, 221). Для периода XVII в. порожденная этим процессом дублетность сохраняла актуальность в рамках книжного языка прежде всего в формах дат.-мест.п. ед.ч. жен. р. — варианты *-ой* / *-гь* были кодифицированы грамматикой Смотрицкого как одинаково допустимые (Г1648, 134); та же пара гене-

тических вариантов представлена в грамматике и для мест.п. ед.ч. муж. р. — *-омь / -гьмь* (Г1648, 133 об.).

3.1. Никоновские справщики последовательно используют адъективные флексии дат.-мест.п. ед.ч. жен. р., нормализуя грамматику текста по исконно адъективному варианту *-гьй*: *съпоспгьшиной силгь* (ТП, I, 40) / *-гьй* (ТН, 25); *въ водгь згьлной, въ геенни вгненной* (ТП, I, 41) / *-гьй* × 2 (ТН, 26); *въ стѡй твоей Събврной и Апѣлской Цркви* (ТП, I, 52) / *-гьй* × 3 (ТН, 39); *въ стѡй водгь* (ТП, I, 65) / *-гьй* (ТН, 47); *любви съвершенной мирной* (ТП, I, 400) / *-гьй* × 2 (ТН, 82); *по промыслной твоей силгь* (ТП, III, 264) / *-гьй* (ТН, 716) и др. (всего 14 случаев). Устраняется и гибридное окончание *-ей* в позиции после *ц*: *по велицей мѣсти* (ТП, I, 421, 440, 457, 466, 490) / *велицгьй* (ТН, 102, 116, 129, 138, 166). Аналогично, по-видимому, была исправлена причастная флексия: *въ жаждущей земли* (ТП, II, 35) / *в жаждущгьй земли* (ТН, 205).

То же соотношение в текстах требников встретилось и в окончании прилагательных и причастий мест.п. ед.ч. муж. р.: *в хотлицомь* (ТП, I, 52) / *-гьмь* (ТН, 38); *въ Черномь Мори* (ТП, I, 403) / *-гьмь* (ТН, 86); *Сѡ стѡмь храмь* (ТП, I, 411) / *-гьмь* (ТН, 91); *на чѣтномь и животворящомь Крѣтѣ* (ТП, I, 435) / *-гьмь* × 2 (ТН, 114); *в страждущомь* (ТП, I, 457) / *-гьмь* (ТН, 128) и др. (всего 8 разночтений); встретился неисправленный пример: *Въ источницѣ тайномь* (ТП, II, 930 = ТН, 254). При такой последовательности нормализации единичный обратный пример — *въ ветсгьмь Завѣтѣ* (ТП, I, 502) / *в' ветхомь завѣтѣ* (ТН, 175) — видимо, связан с устранением исторического чередования в основе. Параллель ему составляет исправление, внесенное в текст грамматики при переиздании в парадигме слова *сноха*: в дат.-мест.п. ед.ч. в нем сделана замена *Сность* > *Снохѣ*. Такое решение, по мнению Е. А. Кузьминовой, имеет «лексическую мотивацию» [Кузьминова 2012, 206] — некнижный характер лексемы *сноха*. Приведенный пример исправления из ТН показывает, что более вероятной причиной была собственно морфологическая — выравнивание основы в парадигме.

По аналогии с прилагательными правка в единичных случаях возможна и в местоименной флексии мест.п.: *в... Гѣдѣ нашемь* (ТП, II, 938) / *нашгьмь* (ТН, 263)¹⁰.

В оппозиции флексий *-ой / -гьй* и *-омь / -гьмь* варианты с *-о-* совпадали с разговорными, а «ятевые» оказывались маркированы как специфические для книжного языка. Возможно, этот фактор обусловил последовательное использование последних в никоновском издании Третьяка.

3.2. Еще одно соответствие, связанное с противопоставлением исконных адъективных флексий местоименным, относится в ТН к форме род.п.

¹⁰ М. Смотрицкий рекомендует только *в нашемь* (Г1648, 175 об.).

ед.ч. местоимения *всакій*. Все формы на *-оа* последовательно устраняются: *всакоа* (ТП, I, 43, 400, 412, 480, 488; II, 14; III, 229, 243 и др.)¹¹ / *всакіа* (ТН, 28, 83, 92, 152, 163, 193, 702, 711 и др.) (всего 11 случаев).

На фоне рекомендаций Грамматики М. Смотрицкого такое исправление выглядит как отнесения слова *всакій* не к местоименной, а к адъективной парадигме. Флексия род.п. ед. жен. р. *-оа* представлена в грамматике только в парадигме «третьего склонения» местоимений, иллюстрированной местоимением *той*: *той, тоа, той, тоую* и т.п. (Г1648, 167 об.); при этом при парадигме дан исчерпывающий перечень местоимений (Там же, 166 об.), имеющих такое изменение, и слова *всакій* среди них нет. Вследствие этого оно было интерпретировано как слово «пятого» именного склонения (прилагательных), изменяющееся по образцу слова *россійскій* (Г1648, 149–151).

4. Особенности употребления в ТН местоимений

4.1. Употребление на месте местоимения *свой* в 1 и 2 л. ед.ч. местоимений *мой, твой*, в 1 и 2 л. мн.ч. — местоимений *нашъ, вашъ*: *яко нещю воли моеа* (ТН, 328); *возвратихъ нозъ мои* (ТН, 349); *душу раба твоегъ оупокой* (ТН, 390); *тебе молимъ ... в грѣсъхъ нашихъ* (510); *дадите намъ ѿ елеа вашего* (ТН, 160), *внимайте оушима вашима* (ТН, 205); *ноги ваша оуготовите* (ТН, 779) (всего 28 случаев). Такой спецификой характеризуется использование притяжательных местоимений в ТН во 2 л. ед.ч.: *Влѣкѡ Гди Бжѣ нашъ, иже вобразомъ своимъ почель еси чѣка* (ТП, I, 73) / *образомъ твоимъ* (ТН, 56); *безаквнїя прости своихъ рабѡвъ* (ТП, I, 434) / *твоихъ рабѡвъ* (ТН, 113); *положи¹ еси Диѡу свою за люди своа* (ТП, I, 463) / *в людехъ твоихъ* (ТН, 134). Случаи нарушения принятой замены в ТН единичны, напр.: *И ты невѣсто возвеличиши веселящихся в своемъ мужѣ* (ТН, 107). Возможно, этот тип замен был нацелен на устранение вариативности в одном из основных морфологических средств выражения категории притяжательности.

В 3 л. наблюдаются нерегулярное употребление на месте местоимения *свой* форм *его* и *ихъ*, напр.: *непотребными рабы своими* (ТП, I, 40) / *недостойными егъ рабы* (ТН, 25); *Възвыси их ... якѡ новорасли масличныя окрестъ трапезы своа* (ТП, I, 416) / *трапезы ихъ* (ТН, 97), но: *юродивыа же, прїемша свѣтилники своа* (ТН, 160); *да преклонитса твоими молбами, иже кровь свою давыи за мене* (ТН, 599).

Как представляется, устранение местоимения *свой* могло иметь в ряде случаев контекстуальный характер и было связано с тем, что это место-

¹¹ При преобладании в ТП форм род.п. данного местоимения на *-оа*, используется также и вариант с *-іа* (II, 7).

имение создавало двусмысленность в указании отношения объекта к одному или другому лицу. В этом аспекте грамматика М. Смотрицкого не давала никаких рекомендаций.

4.2. Последовательным является употребление в ТН притяжательных местоимений, в то время как в ТП в этой функции частотны энклитические формы личных местоимений в дат. п.: *в словесныхъ ти ввцахъ* (ТП, I, 488) / *в словесныхъ твоихъ овцахъ* (ТН, 163); *сиѣнному ти покрову* (ТП, II, 7) / *к сиѣнному твоему покрову* (ТН, 186); *словеснагв ти стада* (ТП, II, 923) / *словеснагв твоегв стада* (ТН, 246) и др. (всего 75 разночтений). В грамматике Смотрицкого обе формы допускаются в качестве равнозначных вариантов (Г1619: 203; Г1648: 290 об.). Таким образом, выбор одной формы в ТН может быть обусловлен необходимостью устранить существовавшую вариативность. За энклитическими формами в тексте закрепляется только одна функция — в качестве личных местоимений.

В функции личных местоимений в ТН используются оба варианта, что соответствует рекомендациям грамматики (Г1619, 99–99 об.; Г1648, 161 об.–162). При этом формы *мнѣ*, *тебѣ*, вероятно, являются более приоритетными, так как во многих случаях стоят на месте энклитик в параллельных чтениях ТП: *подобаетъ ми быти* (ТП, I, 478) / *мнѣ* (ТН, 144); *подѣяти ми твое иго блѣгое* (ТП, II, 922) / *мнѣ* (ТН, 244); *запрѣщает ти* (ТП, I, 39) / *тебѣ* (ТН, 23); *молимъ ти сѧ* (ТП, I, 55) / *молимсѧ тебѣ* (ТН, 42); *подобаетъ ти* (ТП, I, 412) / *тебѣ* (ТН, 92) (28 разночтений). Обратных соответствий не отмечено.

5. Исправления глагольных форм

5.1. Самая частотная и последовательная замена в области глагольной морфологии, проводившаяся в ходе исправления Требника, связана с формами императива. Показатель императива глаголов I спряжения в 1 и 2 л. мн. числа исправлялся при переиздании грамматики: исконный *-гь* заменялся на *-е-* [Кузьминова 2012, 222], что создавало омонимию императива с формами настоящего и будущего времени в этом спряжении и, по мнению Е. А. Кузьминовой, было выстроено симметрично парадигме II спряжения, имеющего омонимичные формы (*с -и-*) в императиве и презенсе [Там же, 223].

Правке в тексте Требника подвергаются те же формы, что и в грамматике, однако точного совпадения с рекомендациями Г1648 нет. Только формы 1 л. мн.ч. получают показатель *-е-*: *вонмѣмъ* (ТП, I, 57, 67, 464, 465, 469, 476; II, 10, 953 и др.) / *-емъ* (ТН, 44, 51, 135, 136, 142, 149, 189, 275 и др.); *почерпѣмъ* (ТП, II, 50) / *-емъ* (ТН, 219); *припадѣмъ* (ТП, II, 931)

/ -емь (ТН, 256) (21 случай); в том же направлении меняется суффикс *-и-* в формах 1 л. глаголов, восходящих к III классу (на *-j*): *восплачимся* (ТП, II, 931) / *-емся* (ТН, 256). Введение в императиве 1 л. формы, омонимичной презентной, поддерживалось аналогичной эволюцией в живой речи, одинаковой для югозападного и московского узуса (Житецкий 1889: 134–135). Тем не менее, целью такого исправления было не столько сближение с живой речью, сколько необходимость следования грамматике. Об этом говорит появление искусственных форм, связанных с механической заменой *-ръ-* > *-е-* в глаголах с чередованием основы перед суффиксом императива: *рицьмь* (ТП, I, 421; II, 943, 944, 946) > *рицьмь* (ТН, 102, 268, 269, 270); *притецьмь*^м (ТП, II, 5) > *притецьмь* (ТН, 183).

Устранение суффикса *-ръ-* во 2 л. мн.ч. в Требнике, в отличие от искусственного предписания грамматики, сближало книжную норму с живым употреблением. В формах 2 л. мн.ч. вводится унифицированный показатель *-и-*: *будьте* (ТП, I, 56, 60) / *-ите* (ТН, 42, 46); *почерпьте*, *принесьте* (ТП, I, 421) / *-ите* ×2 (ТН, 102); *вблецьтеся* (ТП, II, 948, 952) / *вблецьтеся* (ТН, 270, 274) и мн. др. (30 разночтений). В качестве образца для замены *-ръ-* > *-и-* в императиве никоновские справщики могли взять проводившиеся при переиздании грамматики исправления в формах 2 л. атематических глаголов: *ядгьте* > *ядите*, *дадгьте* > *дадите* [Кузьминова 2012, 222]. Подтверждает это и сделанное в нетематической форме 1 л. исправление в пользу *-имь* в тексте Требника: *предадгьмь* (ТП, I, 51) / *-имь* (ТН, 37).

Таким образом, предложенная в Г1648 искусственная система, дававшая большое количество омонимичных форм, на практике была сближена с московским разговорным употреблением. Сближая книжный узус с разговорным, справщики тем не менее имели образцы соответствующей правки (хотя и с иной дистрибуцией) и в тексте грамматики.

5.2. В языке ТН часто используются возвратные глаголы с постфиксом *-ся* для выражения пассива на месте сочетаний страдательных причастий с глаголом *быти* в ТП (всего 16 случаев). Эти способы выражения пассива рассматриваются в качестве вариативных в грамматике Смотрицкого (см., напр., Г1619, 151–155; Г1648, 222–223 об.). В выборе соответствующей формы никоновские справщики могли ориентироваться на греческий оригинал. На это указывают греческие параллели к чтениям в ТН, ср.: *съблюдену быти* (ТП, I, 38) / *сохранитися* (ТН, 21) — διαφυλαχθῆναι (Εὐχολόγιον 1602: 58 об.); *оутверждена бысть* (ТП, I, 41) / *оутвердися* (ТН, 25) — ἐστήρικται (Εὐχολόγιον 1602, 59 об.); *да бых'ся съжегл'* (ТП, I, 477) / *да сожгуся* (ТН, 150) — καυθήσομαι (Εὐχολόγιον 1602, 81 об.).

Выводы

Итак, сопоставительное исследование текстов, общих для ТП и ТН, показало, что с целью устранить вариативность и грамматическую омонимию никоновские справщики руководствовались несколькими нормализаторскими установками. Ряд морфологических особенностей, подлежавших исправлению, соответствует чертам, отличавшим юго-западное и московское издание грамматики М. Смотрицкого. В случаях, когда грамматика кодифицировала несколько вариантов, выбор между ними мог быть сделан как в пользу разговорного узуса (именные флексии, суффикс императива), так и в пользу книжного способа обозначения (адъективное склонение). При этом выбор в пользу более «простого» варианта был опосредован кодификацией этого варианта в грамматике и не всегда давал буквальное совпадение с разговорными формами (ср. формы императива 1 лица *рцемь*, *пцемь* с показателем *-е-*, отличные от разговорных *речемь*, *печемь*).

Характерны случаи, которые можно расценить как гиперкоррекцию, вызванную распространением основного для справщиков вида той или иной флексии на склонения, не предусматривающие его использование (как с генетической точки зрения, так и в рамках грамматической кодификации). К таким можно отнести окончания муж.-ср. р., распространяемые на жен. р.: *въ скорбѣхъ* вм. *въ скорбехъ*, зв. форма *радосте* вм. *радости*; а также флексии в другом типе склонения: *въ іорданѣ* вм. *въ іордани*, *матежей* вм. *матежій* (при допустимости только *-ій* в муж. р., согласно грамматике); использование адъективной флексии в местоимении: *нашѣмъ* вм. *нашемъ*.

Эти факты показывают, что при справе церковных текстов новый грамматический тип кодификации носил в достаточной мере императивный характер, в отличие от ситуации анализа текста, в которой, как показала Е. А. Кузьмина [2012, 271], грамматические знания были факультативными.

В тех случаях, когда нельзя было опереться на рекомендации грамматики, подключались другие средства нормализации. Так, замены внутри разряда притяжательных местоимений были основаны на редакторских решениях, не подкрепленных «Грамматикой» Смотрицкого. В этих случаях опорой для замены, вероятно, служила модель греческого языка [Успенский 2002, 459–460].

Перечень цитируемых источников

Г1619 — «Грамматики Славенския правильное Синтаγμα» М. Смотрицкого. Евью, 1619.

Г1648 — Грамматика славенская Мелетия Смотрицкого, изданная (умноженная) в Москве, 1648.

ТН — Еухологий, сиесть молитвослов, или требник. Москва, 1658.

ТП — Еухологион, албо Молитвослов, или Требник. Киев, 1646.

Εὐχολόγιον 1602 — Εὐχολόγιον ἐκ πολλῶν ὧν πρότερον εἶχε σφαλμάτων ὅτι μάλιστα ἀνακαθαρθέν. [Ven.], 1602.

Литература

АГЕЕВА, Е. А., 2004. Требник 1658 г.: история издания. In *Патриарх Никон и его время: Сборник научных трудов* (Труды ГИМ. Вып. 139). Москва: Государственный исторический музей, 174–188.

ЖИТЕЦКИЙ, П. И., 1889. *Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке*. Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого.

ИГДРЯ Ш = КУЗНЕЦОВ, А. М., ИОРДАНИДИ, С. И., КРЫСЬКО, В. Б., 2006. *Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III: Прилагательные*. Москва: Азбуковник.

КУЗЬМИНОВА, Е. А., 2012. *Грамматики церковнославянского языка в культурно-языковом пространстве России XVI–XVIII вв.*: Дисс. ... доктора филол. наук. Москва.

КУЗЬМИНОВА, Е. А., 2014. Книжная справа. In *Православная энциклопедия*, т. 36 / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Москва: Православная энциклопедия, 122–134.

КУЗЬМИНОВА, Е. А., 2017. Грамматика 1648 года как регулятор библейской книжной справки второй половины XVII века, *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*, № 5. 19–44.

МАТЕРИАЛЫ 1875 = *Материалы для истории раскола за первое время его существования*. Т. 1. Москва: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа.

НОВИЦКИЙ, В., 1914. *Исправление Требника в Москве во второй половине XVII века*: Курсовая работа. Санкт-Петербург (рукопись РНБ, собр. СПбДА (ф. 573) оп. 2, ч. 2, № 281).

РЕМНЕВА, М. Л., КУЗЬМИНОВА, Е. А., 2013. Система норм грамматики Мелетия Смотрицкого: проблемы рецепции и императивности, *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*, № 1. 7–20.

САЗОНОВА, Н. И., 2007. Текстология «Исправления» Требника при Патриархе Никоне, *Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки*, № 3 (66). 12–18.

САЗОНОВА, Н. И., 2008. *У истоков раскола Русской Церкви в XVII в.: исправление богослужебных книг при патриархе Никоне (1654–1666 гг.)*. На материалах Требника и Часослова. Томск: Изд-во ТГПУ.

САЗОНОВА, Н. И., 2010. Литургическая реформа патриарха Никона (1654–1666 гг.): антропологический аспект (на материале никоновской справки Требника и Часослова), *Вестник РУДН. Сер. История России*, № 4. 62–74.

СИРОМАХА, В. Г., 1980. «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII в. (на материале склонения существительных): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Москва.

СИРОМАХА, В. Г., УСПЕНСКИЙ, Б. А., 1987. Кавычные книги 50-х годов XVII в. In *Археографический ежегодник за 1986 год* / Под ред. С. О. Шмидта. Москва: Наука, 75–84.

УСПЕНСКИЙ, Б. А., 2002. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Москва: Аспект Пресс.

Bibliography (Transliteration)

AGEEVA, E. A., 2004. Trebnik 1658 g.: istoriya izdaniya. In *Patriarh Nikon i ego vremena: Sbornik nauchnykh trudov* (Trudy GIM. Vyp. 139). Moskva: Gosudarstvennyj istoricheskij muzej, 174–188.

ZHITECKIJ, P. I., 1889. *Oчерк literaturnoj istorii malorusskogo narechiya v XVII veke*. Kiev: Tipografiya G. T. Korchak-Novickogo.

IGDRYA III = KUZNECOV, A. M., IORDANIDI, S. I., KRYŠ'KO, V. B., 2006. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka*. T. III: Prilagatel'nye. Moskva: Azbukovnik.

KUZ'MINOVA, E. A., 2012. *Grammatiki cerkovnoslavyanskogo yazyka v kul'turno-yazykovom prostranstve Rossii XVI–XVIII vv.*: Diss. ... doktora filol. nauk. Moskva.

KUZ'MINOVA, E. A., 2014. Knizhnaya sprava. In *Pravoslavnaya enciklopediya*, t. 36 / Pod obshch. red. Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II. Moskva: Pravoslavna-ya enciklopediya, 122–134.

KUZ'MINOVA, E. A., 2017. Grammatika 1648 goda kak reguljator biblejskoj knizhnoj spravy vtoroj poloviny XVII veka, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, № 5. 19–44.

MATERIALY 1875 = *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya*. T. 1. Moskva: Tipografiya E. Lissnera i YU. Romana.

NOVICKIJ, V., 1914. *Ispravlenie Trebnika v Moskve vo vtoroj polovine XVII veka*: Kursovaya rabota. Sankt-Peterburg (rukopis' RNB, sobr. SPbDA (f. 573) op. 2, ch. 2, № 281).

REMNEVA, M. L., KUZ'MINOVA, E. A., 2013. Sistema norm grammatiki Meletiya Smotrickogo: problemy recepcii i imperativnosti, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, № 1. 7–20.

SAZONOVA, N. I., 2007. Tekstologiya «Ispravleniya» Trebnika pri Patriarkhe Nikone, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Gumanitarnyye nauki*, № 3 (66). 12–18.

SAZONOVA, N. I., 2008. *U istokov raskola Russkoj Tserkvi v XVII v.: ispravleniye bogoslužebnykh knig pri patriarkhe Nikone (1654–1666 gg.)*. Na materialakh Trebnika i Chasoslova. Tomsk: Izd-vo TGPU.

SAZONOVA, N. I., 2010. Liturgicheskaya reforma patriarkha Nikona (1654–1666 gg.): antropologicheskij aspekt (na materiale nikonovskoy spravy Trebnika i Chasoslova), *Vestnik RUDN. Ser. Istorija Rossii*, № 4. 62–74.

SIROMAHA, V. G., 1980. «Knizhnaya sprava» i voprosy normalizacii knizhno-literaturnogo yazyka Moskovskoj Rusi vo vtoroj polovine XVII v. (na materiale skloneniya sushchestvitel'nyh): Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. Moskva.

СИРОМАНА, V. G., USPENSKIJ, B. A., 1987. Kavychnye knigi 50-h godov XVII v. In *Arheograficheskiy ezhegodnik za 1986 god* / Pod red. S. O. SHmidta. Moskva: Nauka, 75–84.

USPENSKIJ, B. A., 2002. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)*. Moskva: Aspekt Press.

Георгий Анатольевич Мольков, доктор филологических наук, независимый исследователь, Москва, Россия.

Georgij Molkov, Doctor of Philology, Independent Researcher, Moscow, Russia.

Georgij Molkov, filologijos m. daktaras, nepriklausomas tyrinėtojas, Maskva, Rusija.

Миляуша Габдрауфовна Шарихина, кандидат филологических наук, независимый исследователь, Москва, Россия.

Miliausha Sharikhina, Candidate of Philology, Independent Researcher, Moscow, Russia.

Miljausha Sharikhina, filologijos mokslų kandidatė, nepriklausoma tyrinėtoja, Maskva, Rusija.